

Травза Бурятия, Улан-Удэ, 1973, 14 апр.

ЕЕ ЛЮБИМАЯ РОЛЬ

Пожалуй, нет другого русского драматурга, который был бы так глубоко национален, как А. Н. Островский. Быт, речь, характеры, проблематика в пьесах Островского — все это истинно русское. Тем не менее в нашей многонациональной стране пьесы классика русской драматургии понятны зрителю Прибалтики и Средней Азии, Дальнего Востока и Крайнего Севера. У нас в Бурятии драматургию Островского любят и ценят, его пьесы успешно переводят. На сцене Бурятского драматического театра имени Хоца Намсараева были поставлены «Женитьба Вальзаминова» и «Белые деньги», к 150-летию драматурга коллектив театра представил на суд зрителя пьесу «Доходное место». Начался же Островский на профессиональной бурятской сцене пьесой «Гроза» в переводе Н. Г. Балдано.

Наш корреспондент беседовал с первой исполнительницей роли Катерины, ныне народной артисткой РСФСР М. Н. Степановой. Вот что она рассказала:

— Я мысленно перенёсусь на двадцать семь лет назад, в памятный послевоенный театральный сезон 1945—1946 гг. Тогда в нашем театре работал талантливый режиссер, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Александр Игнатьевич Канин. Это был необыкновенный человек и большой мастер. Уроженец г. Саратова, волжанин, он прекрасно знал быт и нравы русского купечества и мещанства. Работа над «Грозой» началась с того, что Канин своими рассказами вводил нас, артистов, в мир драматургии Островского. Он умело находил параллели между русским и бурятским до-революционным бытом и обычаями. Слушая его, я ду-

мала о том, что судьба Катерины — это в какой-то мере и судьба моей матери, которая была выдана замуж не по любви, а «за калым». Трагедия Катерины становилась понятной, отступала боязнь перед этой большой и психологически сложной ролью. С каждой репетицией я все полнее ощущала глубину натуры моей героини, ее силу.

Как раз в это время на экранах кинотеатров Улан-Удэ демонстрировался фильм «Гроза», где роль Катерины исполняла народная артистка СССР А. К. Тарасова. Как хотелось мне посмотреть игру этой большой актрисы! Но Александр Игнатьевич сказал: «Не надо, не смотрите. У нас будет своя Катерина».

Он добивался от актера самостоятельности в трактовке образа, заставлял думать, а не копировать, неустанно работая над собой, искать верную интонацию. Он требовал полной отдачи сил. Перед каждой репетицией я чувствовала себя, как бегун на старте, собранной и напряженной до предела.

С тетрадкой, где была написана роль, я не расставалась нигде. Носила ее с собой повсюду. Мне казалось, что если оставлю роль дома — потеряю образ, порвется нить, которая связывала меня с моей героиней. Я старалась перенестись в ту эпоху, которая изображена в пьесе Островского, найти такую интонацию бурятской речи, которая не искажала бы логику русской мысли, логику русского характера. И вместе с тем мне хотелось, не нарушая стили пьесы, сделать мою Катерину близкой и понятной бурятскому зрителю.

Самой трудной была, пожалуй, сцена с ключом. Ее нужно было сыграть так, чтобы зритель понял: произошло внутреннее освобождение Катерины, и теперь ничто

уже не остановит ее в стремлении к настоящей любви, к счастью. В этой сцене Канин добивался смеха Катерины ири словами «Ах, кабы ночь поскорее!». К этому смеху внутренне мне было очень трудно прийти, но как-то на одной из репетиций смех родился сам собой.

А причитания Катерины по Борису, когда она узнает, что Дикой — высылают его из города! Это же чисто русское причитание, а мне хотелось, чтобы оно органично влилось в мелодику бурятской речи. Помню, Александр Игнатьевич сам показывал, как причитают по покойнику русские бабы, и слезы появлялись у нас на глазах...

Понять образ Катерины могли мне, конечно, и статьи Добролюбова. Даже название «Луч света в темном царстве» настраивало на создание характера поэтического, светлого. Я стремилась показать страсть и нежность, отчаяние и силу ее протеста, гордую непокорность натуры. Для этого требовалось с большим эмоциональным напряжением войти в роль умом и сердцем.

Спектакль «Гроза» шел в нашем театре долго и с большим успехом. Работа над пьесой Островского дала всему творческому коллективу очень много. Для меня же роль Катерины была поистине этапной. Она обогатила меня как актрисе, раскрыла неизвестные мне самой до того времени мои возможности. Я убеждена, что работа над сценическими образами, созданными великим русским драматургом Островским, творческое соавторство с этим великим мастером духовно обогащает актера.

К сказанному Марией Инолаевной Степановой остается добавить только то, что ее Катерина, по мнению театроведов и критиков, в те годы была одной из лучших на советской сцене.